

Эту объемистую книгу следует меньше всего рассматривать как цифровые выражения пятилетнего плана развития Украины. Наименьший интерес и наименьшее значение имеет здесь цифровая сторона. Намечаемые темпы не укладываются в какую-либо стройную систему цифр — по линии цепной связи отдельных отраслей народного хозяйства, тем более что после выхода этого труда темпы эти даже потеряли свое иллюстративное значение, поскольку в настоящее время, когда в Госплане СССР заканчивается работа над пятилеткой, уже со всей очевидностью выявились размеры двух основных качественных показателей в области промышленности и сельского хозяйства, определяющих и характеризующих всю экономику ближайшего пятилетия. Мы имеем в виду 35⁰/₁₀ повышения урожайности и снижение себестоимости промпродукции, примерно, на одну треть и даже больше. Следовало бы прибавить еще задаваемые темпы выплавки чугуна (8—10 млн. тонн), обеспечивающего такие размеры индустриализации страны, которые оставляют далеко позади все предыдущие количественные показатели всех предыдущих перспективных ориентировок. Вся ценность рассматриваемой книги: 1) в изучении и выявлении потенциальных возможностей развития хозяйства республики; 2) в историко-генетической части развития народного хозяйства УССР. Это есть солидно проработанный сборник материалов, главным образом, в отраслевом разрезе, необходимый всякому работнику в области перспективного планирования УССР. Ознакомление с этими материалами дает в действительности возможность судить об основных путях народнохозяйственного развития УССР вне зависимости от того или иного цифрового выражения.

Автор сводной главы об основных предпосылках перспективного плана совершенно бесспорно утверждает, что „опыт работы над первыми вариантами пятилетки со всей силой убедительности показал нам, что для этой цели ни в коем случае не годится тот, чрезвычайно широко практиковавшийся при проектировании пятилетки метод статистико-экономического анализа закономерностей довоенного и восстановительного периода с

экстраполяцией их на планируемый отрезок времени“. Безусловно единственным путем перспективного планирования со вступлением в реконструктивный период является „путь научно-исследовательской оценки с использованием и перенесением в наше строительство новейших достижений в области науки и техники“. Такой путь сам по себе исключает и относит к пройденному этапу всю статистико-экстраполяционную „кухню“, в которой качество уступало количеству.

Большим достоинством в самой организации работы является то, что Укргосплан привлек к ней ряд научных учреждений, в том числе и Харьковский институт марксизма.

Всем процессом работ по составлению пятилетнего плана народнохозяйственного развития Украины руководила необходимостью: 1) превращения УССР в основную центр Союзу по тяжелой индустрии, с максимально-возможным развитием производства средств производства и 2) уделения большего внимания по сравнению с прежним вариантом пятилетки развитию сельского хозяйства по линии урожайности, обобществления и поднятия производительности труда.

К этим „генеральным“ линиям развития примыкает вопрос кадров, т.-е. проблема „человека“ — квалификации и поднятия на соответствующий культурный уровень трудящихся масс.

Красной нитью по линии промышленного развития проходит вопрос себестоимости, который в настоящей работе достаточного обоснования не получил. Вопросы использования средств производства и рабочей силы, определяющие технические нормы, повидимому, также не подверглись глубокому исследованию. Кроме того, неразработанная гипотеза цен не позволяет, конечно, установить дифференциально размеры снижения себестоимости по линии материальных и рыночных факторов. На ряду с этим гораздо более четкое отображение в области промышленности получила проблема географического размещения.

В цикле исследовательских работ, принятых в области сельского хозяйства следовало бы со всей серьезностью выдвинуть, наконец, проблему издержек производства в сельском хозяйстве. Вопрос

этот приобретает громадное практическое значение в связи с ростом товарности, с правильным сконструированием системы сельскохозяйственных цен, связанной по сей день со своей довоенной базой и соотношениями, — нужно сделать в этой области шаг вперед и увязать процессы ценообразования с факторами производственного порядка. Украина имеет довольно интересное исследование по себестоимости отдельных сельскохозяйственных культур в совхозах, но в какой мере эта работа использована составителями пятилетки, — трудно судить.

В области транспорта для Украины приобретает особо важное значение вопрос о новых выходах из Донбасса.

Касаясь работы отдельных округов УССР над составлением пятилетнего плана автор сводной главы несколько перегибает палку, говоря, что „округа должны идти по линии совершенно самостоятельного отыскания путей хозяйственного развития“. Такое „местничество“, к тому же еще культивируемое республиканским центром, может совершенно нарушить правильное разделение труда между районами. Безусловно, греш цена такому плану, который не будет учитывать „изучения опыта практической хозяйственной деятельности“ отдельных районов, но отсюда еще, конечно, не следует „совершенно самостоятельное отыскание путей“ без всякой связи с задачами всей УССР и всего СССР.

Небольшую главу сборник отводит вопросу об естественных ресурсах УССР и перспектив их использования.

Касаясь ископаемых богатств, необходимо отметить намечающийся переход от кустарного искания и бессистемного использования подземных богатств к составлению специальных геологических карт, обеспечивающих плановость использования и вскрывающих наличие потенциальных средств производства. Это тем более важно для Украины, занимающей по горнодобывающей промышленности первое место в Союзе. Запасов каменного угля Украины (донецкого) при максимальной довоенной выработке хватит на 2—3 тысячи лет а при максимальной американской выработке на 100—150 лет.

Точно так же велико значение криво-рождской руды, которая в ее соседстве с донецким углем представляет основу всей нашей союзной металлургии. Большое значение для будущего имеют также фосфориты, каолины, ряд ископаемых для строительства и т. п.

Переходя к отдельным очеркам, следует остановиться на историческом анализе развития промышленности Украины на канве народнохозяйственной эволюции. „Историческая эволюция украинской промышленности находит свое жизненное выражение в создании следующего четырехгранного взаимобусловленного цикла нашего (т.е. украинского. Ш. Т.)

экономического развития“: экспорт сельскохозяйственных продуктов внутренне переплетенный с ростом переработки сельскохозяйственных продуктов, развивающийся на почве роста жел.-дорожной сети и, в свою очередь, являющийся фактором исключительного значения для развития тяжелой индустрии.

Наличие мощных месторождений коксовых углей и железной руды, а также географическое местоположение Украины создают наиболее благоприятные условия для превращения УССР в железнотельный центр Союза, отнесения на задний план Урал с его древесноугольной плавкой. Развитая железнодорожная сеть, металлургия и каменный уголь создадут благоприятные условия для развития машиностроения. Исторический опыт предопределяет также развитие на Украине отдельных отраслей легкой промышленности (в частности свеклосахарная и мукомольная). „Опыты насаждения в России свеклосахарной промышленности производились вне Украины, но эту область производства стихийно влекло к концентрации, именно на Украине, где она в конечном счете осела в своем основном массиве“. На Украине было сосредоточено до 80% производства сахара и свыше 36% числа мельниц довоенной России.

Следует отметить, что наметка перспективно-хозяйственного развития Украины недоучитывает в должной мере возможностей развития украинской химической промышленности на Украине, уделяя ей недостаточно внимания в отношении ее удельного веса и значения. Выростающиеся в настоящее время перспективы развития основной химической промышленности в Донбассе в действительности открывают новую эру для химической промышленности Союза. В украинской наметке металл „поедает“ химию — такая однобокость безусловно имеется.

Условия, определившие характер крупной украинской индустрии, сохраняют свое влияние и в сфере мелкого промышленного производства, базирующегося на обработке металла и переработке сельскохозяйственного сырья.

Вообще удельный вес Украины во всей тяжелой индустрии бывш. России определяется в 70%, а по обрабатывающей промышленности 15—20%. Помимо развития химической промышленности война привлекла и обусловила развитие на Украине двух новых отраслей: электротехническую и трикотажную. Развитие трикотажного дела открывает в перспективе возможность создания на Украине хлопчатобумажной промышленности при условии культивирования хлопка в районе Днепростроя.

Совершенно правильно связывая диалектической взаимозависимостью эволюции развития сельского хозяйства и промышленности на Украине в прошлом,

автор главы о промышленности заключает: „априори, очевидно, что если характер этого развития (т.е. развития сельского хозяйства. Ш. Т.) испытывает радикальные изменения (реконструкция), то они должны будут получить отражение в развитии сельскохозяйственной промышленности, а в известной мере и тяжелой индустрии, базирующейся на естественных богатствах Украины, но развивающейся до известной степени в связи с сельским хозяйством и сельскохозяйственной промышленностью“.

Оставляя для сельского хозяйства на ближайшие годы зерновое направление на основе роста урожайности, перспективная наметка устанавливает необходимым к концу пятилетия развитие высокоинтенсивных отраслей животноводства и технических культур. Это связано с ростом внутреннего рынка на продукты интенсивного хозяйства в связи с индустриализацией. Кроме того, Украина, как приморский портовый район, должна будет использовать свое положение для экспорта продукции животноводства и технических культур.

Отводя должную роль Днепрострою в преобразовании всего народного хозяйства Украины, авторы сборника останавливаются на выяснении более рационального использования дешевой энергии этой мощнейшей гидроцентрали. Особое значение будет иметь Днепрострой в развитии тяжелой индустрии УССР, поскольку „развитие современной техники оказалось возможным только при наличии широкого применения металлов“. Отсюда доказывается экономическая выгодность производства на дешевой энергии Днепростроя следующих металлов и сплавов: алюминия, ферро-марганца, ферро-силиция, ферро-вольфрама, электростали, меди и латуни. „Производство указанных металлов и их сплавов в огромном большинстве случаев весьма электроемко и для их себестоимости стоимость электроэнергии имеет определяющее значение“.

Исходя из историко-географических условий и наиболее оптимального сочетания потенциальных богатств (кокс и железная руда) „Украина для ближайших лет, прежде всего, центр тяжелой металлургической промышленности“ Союза, вырабатывающий около 80% союзного производства чугуна, стали, грубых стальных изделий и снабжающая своей продукцией почти всю Европейскую часть Союза. Следующей задачей в области металлургии УССР является коммерческое судостроение — изготовление тоннажа для обслуживания союзного экспорта. Далее следует выработка оборудования для металло-заводов и развития горного дела. Отводя Кузбассу роль будущего центра тяжелой индустрии, украинская „перспективка“ считает, что в силу естественных и исторических условий Урал

должен стать основным центром медно-плавильного дела. „На ряду с медью, железом и сталью — дерево и уголь, лесобумажная масса, бумага, картон, химические производства, — таковы элементы основной продукции Урала“, по мнению Украины. На наш взгляд здесь при вообще логически правильной концепции все же суживается роль и значение Урала в развитии тяжелой металло-индустрии Союза и в особенности на ближайшие 5 лет.

По сравнению с предыдущей пятилеткой (1926/27—1931/32 гг.) новая пятилетка (1927/28—1932/33 гг.) проектирует большее валовое производство на 20% (108% против 80%). При среднем довольно солидном темпе роста сырая промышленность растет всего на 89%, а темп республиканский почти в два раза больше — 155%.

На ряду с этим мы имеем довольно большие темпы электрификации; общая мощность электростанций при значительной централизации пользования энергией (удельный вес районных станций увеличивается с 4,5% до 41,2%) увеличивается на 178%, а выработка электроэнергии растет на 20%. При чем особое внимание уделяется сельской электрификации: потребление энергии деревней увеличивается в общей массе потребления энергии с 0,4% до 1,8% при одновременном увеличении удельного веса потребления промышленности с 86,3% до 89,3%.

Не имея возможности в пределах рецензии сколько-нибудь подробно остановиться на прочих главах этой книги, укажем на основные вехи развития сельского хозяйства. Упуская всю весьма интересную историко-эволюционную часть анализа, обратимся только к вопросам обобществления. Удельный вес совхозов и колхозов во всей посевной площади Украины с 4,93% в 1927 г. возрастет до 15,4% в 1932 г., валовая продукция с 5,7% до 18,8%; товарная продукция с 14,0% до 30,5%, товарность колхозов возрастет с 45% до 51% при товарности совхозов в 84,0%. При чем рост колхозов значительно обгоняет рост совхозов; при увеличении посевной площади первых почти в десять раз посевная площадь совхозов растет всего на 10%, при росте всей посевной площади УССР на 15%. Здесь мы имеем безусловно недостаточный рост советских хозяйств, сказывающийся в падении удельного веса их посевной площади с 3,33% в 1927 г. до 3,26% в 1932 г., — тенденция, несомненно, вызывающая опасения. По линии механизации намечается максимальное насыщение тракторами совхозов и высших коллективных форм. Удельный вес колхозов в общей сумме тракториспользования достигает в 1932 г. до 63,2% против 26% в 1927 г. Удельный вес совхозов остается почти стабильным с некоторой тенденцией к снижению. В абсолютном выражении количество тракторов в совхозах увеличивается в 3,5

раза, а в колхозах в 9 раз. По линии общественного следует еще прибавить охват хозяйства системой сельскохозяйственной кооперации до 85%. В общем, валовая продукция сельского хозяйства возрастает на 48% при росте товарной на 84%, т.е. рост товарности свыше 30%.

Далее следует остановиться на жилищном строительстве, дающем возможность за 5 лет поднять норму жилплощади в городах на душу населения до 6 кв. метров против теперешних 5,71 кв. метров, т.е. немного выше чем на 5% — процент для пятилетия крайне незначительный. Мало запроектировано, на наш взгляд, снижение стоимости строительства всего на 20%. Слабо разработанным следует признать вопрос о труде. Что же касается вопроса об использовании рабочей силы, то здесь наряду со слабой проработкой всей проблемы недоучтен вопрос о мелкой и кустарной промышленности. Конечно, утешиться на получаемых в области безработицы результатах нельзя, когда „к концу ближайшего пятилетия численность безработных остается почти стабильной“ (Ш. Т.) — увеличится всего на 9,6%.

Вопрос о зарплате в очень малой мере увязан с производительностью труда; совершенно не затронута проблема „соци-

лизации“ зарплаты, тесно связанная с ростом культурного уровня рабочего класса. На ряду с этим совершенно отсутствует намечка какого-либо плана по социально-культурному строительству; недостаточно указать на имеющуюся диспропорцию между культурным и хозяйственным ростом и доказывать низкий уровень нашего культурного развития по сравнению с передовым капиталистическим, — необходимо было во всю ширь выдвинуть и попытаться разрешить вопрос о кадрах о человеческом материале, поскольку все темпы народнохозяйственного развития обречены на неудачу вне разрешения этого одного из основных вопросов пятилетки. Здесь этой схемой не обойтись.

Мы коснулись здесь не всех разделов книги. Резюмируем: сборник является ценным пособием для построения пятилетнего плана УССР, однако, его не следует рассматривать даже как предварительную плановую намечку. Отсутствие единого костяка, полнейшая неразработанность качественных показателей и отсутствие финансового плана заставляют расценивать эту книгу, как отражение определенного этапа работы над пятилеткой.

Ш. Я. Турецкий

И. А. Толстомятов. Перспективы труда в свете развития народного хозяйства СССР. Изд. „Вопросы труда“, 1929 г., стр. 66.

Рост и укрепление планового начала в хозяйственном руководстве страной, переход от контрольных цифр на год к составлению пятилетних и даже генеральных хозяйственных планов сделал возможным и более четкое планирование отдельных элементов народнохозяйственной жизни.

Рецензируемая книжка имеет своей задачей дать на основе общехозяйственных показателей „обзор основных разделов контрольных цифр 1928/29 г. НКТ СССР и предварительной проектировки пятилетнего плана по труду“.

Автор совершенно правильно констатирует, что перспективное планирование вопросов труда должно строиться на основе перспективного развития промышленности и сельского хозяйства. Исходя из этой установки, автор первую часть работы, составляющую больше 1/3 всей книжки, посвящает общей характеристике итогов и перспектив развития народного хозяйства. К сожалению, снабдив эту часть работы большим количеством общехозяйственных показателей за истекший и на предстоящий год, автор почти полностью обошел пятилетку, и таким образом в части характеристики пятилетки по труду сам же нарушил выдвинутое им требование — увязки перспективного планирования вопросов труда с перспек-

тивным планом развития всего народного хозяйства.

Не касаясь других недостатков этой первой части работы, в общем сжато и удачно изложенной, мы должны все же отметить, что итогов-перспективная характеристика нашего народного хозяйства страдает в отдельных важных его показателях отсутствием достаточного их анализа. Автор ограничивается одной констатацией факта невыполнения плана 1927/28 г. по линии ряда качественных показателей: производительность труда, себестоимость и т. д.

Внимательный анализ всех этих взаимно перекрывающихся процессов автор подменяет заявлениями о больших достижениях 1927/28 г. в части себестоимости, совершенно не вскрывая причины невыполнения задания правительства на этот счет.

С такого же рода системой констатации фактов, еще более резко выраженной, мы встречаемся и при характеристике показателей мирового хозяйства.

Нам кажется, что, с точки зрения влияния реконструктивных процессов сельского хозяйства на безработицу ближайших лет, совершенно недостаточным и поэтому неверным основанием для выводов может служить утверждение автора, что „колоссальные технические усовер-

шенствования, машинизация и тракторизация сельского хозяйства временно, на первых порах, не только не уменьшают, но наоборот увеличивают число свободных крестьянских рабочих рук“.

Внедрение машины, трактора в сельское хозяйство будет означать гигантский рост его урожайности и доходности. При этих условиях возрастет с.х. индустрия. Значительно повысится жизненный уровень и благосостояние крестьянина, а это не сможет не повлиять на сокращение притока деревенской рабочей силы в города и, следовательно, на уменьшение размеров безработицы. Кроме того, при машинизации и коллективизации деревни норма трудовой нагрузки крестьянина будет постепенно снижаться.

Особенности планирования вопросов труда заключаются в том, что труд является важнейшим элементом всех отраслей народного хозяйства. Регулирование вопросов труда теснейшим образом связано и вытекает из тех или иных общехозяйственных факторов. Это же положение позволило автору в полном соответствии с линией партии дать следующую основную установку содержания плана по труду: „Перспективное планирование вопросов труда... должно строиться... так, чтобы, с одной стороны, этот план не мог тормозить развитие народного хозяйства, чтобы, он устанавливал определенное соответствие между ростом зарплаты и производительностью труда и тем обеспечивал дальнейшее снижение себестоимости и внутрипромышленное накопление. Но с другой стороны, рост жизненного уровня рабочего класса не должен отставать от общего темпа роста народного хозяйства“.

Части книжки тов. Толстомятова, посвященные непосредственному планированию вопросов труда, насыщены чрезвычайно интересным цифровым материалом. Рост численности лиц наемного труда за пятилетие 1928/29—1932/33 гг., по ориентировочным данным НКТ СССР, определяется в 25,6%. Наибольший рост дают строительство (97%), торговля, развивающая свою низовую сеть (40%), фабрично-заводская промышленность (30%), а также работники просвещения (35%) и здравоохранения (32%). Менее интенсивный рост наемного труда — в сельском хозяйстве (15% к концу пятилетия) и почти стабилизируется число работников наемного труда на железнодорожном транспорте.

Несмотря на то, что в предстоящем пятилетии темп роста трудовых ресурсов страны будет отставать от роста городского населения, так как начнет сказываться понижение рождаемости и прямое уничтожение человеческого материала в годы империалистической и гражданской войны (к сожалению, последний момент в книжке освещен недостаточно), автор не решает дать четкого ответа на вопрос о цифровом выражении этих процессов к концу пятилетки. Тов. Толсто-

мятов ограничивается ссылкой на наличие в НКТ двух вариантов: по первому безработица снижается на 1,1%, по второму на 25,8%.

Главным преимущественным источником, питающим безработицу, является деревня. Неурегулированность сезонного рынка труда, оседание крестьянской рабочей силы в городе через профсоюзное членство, — способствуют общему росту безработицы, некоторому вытеснению городских безработных элементами деревенскими. В свете этих вопросов приобретают особенно важное значение мероприятия последнего года: правительства, НКТ и профсоюзов, директивы СНК и СТО о максимальном удлинении и равномерном развертывании строительного сезона, о плановых, заявках на рабочую силу и т. п.

Аналогичные директивы НКТ касаются торфяников. Расширение корреспондентских и вербовочных пунктов в местах отхода сезонников и общее расширение и упорядочение вербовки рабочих, все это вместе взятое, — при энергичном четком проведении в жизнь может дать необходимый эффект.

Рост номинальной зарплаты за пятилетие НКТ выводится в трех вариантах: на 31,9% при 13,8% снижении бюджетного индекса, 37,6% при 10% снижении бюджетного индекса и 39,7% при снижении бюджетного индекса на 8,6%. При этом 2—3% зарплаты предполагается использовать для социализации зарплаты. Запроектированное повышение страхового тарифа позволит расширить перевод стариков на пенсию, увеличить расходы на помощь безработным и на улучшение культурно-бытовых условий рабочего класса.

Сильный разрыв, имеющийся в настоящее время между оплатой работников социально-культурной и промышленной группы, требует при распределении фондов повышения зарплаты на ряду с подтягиванием отстающих по зарплате групп тяжелой индустрии обратить внимание и на повышение зарплаты работников социально-культурных учреждений. Эти соображения заставили НКТ в пятилетней проектировке распределения фонда зарплаты взять курс на доведение зарплаты этих работников до среднего заработка промышленных рабочих.

Предстоящее пятилетие, согласно смыслу постановления юбилейной сессии НКТ СССР (окт. 1927 г.), должно явиться годами практического осуществления Октябрьского манифеста в части введения в промышленность семичасового рабочего дня.

В соответствии с этим и решениями ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) контрольные цифры НКТ СССР на 1928/29 г. намечают установление семичасового рабочего дня для 18—20% фабрично-заводской промышленности. К концу же пятилетия семичасовой рабочий день намечается к введению для всей промышленности, исключая сезонные производства.

Столь широкая и ответственная программа вполне выполнима при условии заблаговременного учета и исправления имевших место недочетов.

Успешный перевод промышленности на семичасовой рабочий день мыслим при наличии по крайней мере следующих условий: 1) четкий своевременно составленный план перевода предприятий на семичасовой рабочий день; 2) заблаговременное проведение мероприятий по охране труда, рационализации и др. организационно-технических мер; 3) обеспечение новых рабочих жилищами и нормальными бытовыми условиями; 4) обеспечение дополнительных смен квалифицированной рабочей силой; 5) своевременная разработка на основе измененного законодательства для семичасовых предприятий норм, расценок, стандартизации их и всей подготовки к семичасовому рабочему дню среди работающих.

Разумеется, что проведение такого гигантского технико-экономического мероприятия, каковым является семичасовой рабочий день, потребует от органов труда, вообще всех органов советской власти, партии и всего рабочего класса, значительных усилий и напряжения. Проведение семичасового рабочего дня изменит лицо промышленности, соответственно перестроив условия труда занятого в ней рабочего класса. Совершенно неизбежным

окажется и пересмотр всего трудового законодательства применительно к изменившимся условиям труда. Уже сейчас ряд изменений внесен.

Мы не будем касаться других разделов работ тов. Толстопятова (охрана труда, жилищное строительство, социальное страхование, женский труд). В них имеется не мало интересных данных. Недостатком этих частей работы, вообще общими недостатками книжки тов. Толстопятова является увлечение описательной стороной проектировки по труду во вред анализу отдельных важнейших ее элементов. Излишняя схематичность изложения за счет полноты содержания, недостаточное освещение проектировки по труду в республиканском разрезе. Из частных замечаний, не считая редакционного характера (повторения, особенно в первом разделе), следует отметить, как пробел, полный обход автором проблемы подросткового труда, имеющей немаловажное значение в общей проектировке вопросов труда.

Несмотря на эти и указанные выше недостатки, мы все же должны отметить, что работа тов. Толстопятова, сжато и в общем довольно удачно излагает сущность вопроса и поэтому для всех работников, интересующихся вопросами труда, может послужить полезным пособием.

Зин. Гришин

Рабочий день в фабрично-заводской промышленности в 1928 г. ЦСУ СССР. Сектор статистики труда. Изд. ЦСУ СССР. Москва. 1928 г. Стр. 45. Цена 50 коп.

Ни одна страна в мире не знает такой разветвленной системы организации статистики труда, какая имеется в лице государственной статистики в СССР. Объем и программа работ советской статистики труда, а также и единство и цельность применяемых ею методов исследования безусловно ставят ее на первое место в ряду органов статистики труда других стран. Тем более зияющим пробелом в ее работе было отсутствие основательного исследования о рабочем времени. Публикуемые в текущем порядке данные о фактической продолжительности рабочего дня отнюдь не могут претендовать на исчерпывающую полноту, ибо дают представление лишь о средних величинах, но ничего не говорят о том режиме рабочего времени, какой принят в фабрично-заводской промышленности СССР. Таким образом величайшее достижение русских рабочих осталось почти не освещенным в течение всех одиннадцати лет революции.

Пробел этот пытается восполнить рецензируемая работа Автор вводной статьи

тов. Г. С. Полляк, анализирующий приведенные в работе таблицы, указывает три основных задачи, которые ставил себе исследование: 1) Оценка размеров тех сокращений рабочего дня, которые являются результатом существующего законодательства, и установление численности тех рабочих групп, на которые эти сокращения распространяются (стр. 5). 2) Необходимость изучения существующих систем смен, чтобы правильно поставить и решить вопрос о более интенсивном использовании оборудования путем введения дополнительных смен и их интенсивного использования. 3) Попутная оценка первых опытов перевода промышленных предприятий на 7-час. рабочий день. Постановка и разрешение всех трех задач мыслятся авторами исследования в прямой связи с необходимостью практических мероприятий по осуществлению манифеста ЦИК'а о 7-часовом рабочем дне.

Не приходится, конечно, и говорить, что значение работы далеко выходит за пределы очерченных выше задач. Однако

исследованию подвергалось лишь „нормальное“ рабочее время, под которым понимается „обычный будний день в дневную смену“. Недостаток этого метода заключается в том, что им обходятся наиболее узкие места организации рабочего дня. Было бы правильное, наряду с исследованием продолжительности „нормального“ рабочего дня исследовать также и продолжительность рабочей недели или двух соседних недель, как ставили вопрос старые „добровольные“ исследования.

Гораздо удовлетворительнее была другая задача исследования: освещение вопроса о существующих системах смен и в частности в связи с изучением степени использования оборудования. В табличном материале по этому вопросу даются, во-первых, подробные сведения по отраслям промышленности относительно распределения всех обследованных рабочих по типам смен и, во-вторых, показатели сменности. Последние, несмотря на сложность их исчисления, все же вполне удачно и даже эффективно разрешают поставленную задачу. Настолько эффективно, что безусловно искупают как сложность самого их построения, так и их нечеткость. Последние простекают, впрочем, не по существу их природы, а благодаря двойному их значению — одному для показателя в отношении всех смен и другому — для отдельных показателей по каждому типу смен. Первое имеет довлеющее значение, ибо характеризует распространенность сменной работы в промышленных предприятиях, второе — вспомогательная конструкция, необходимая для исследования вопроса о степени „заполнения смен“, т. е. для исчисления показателей использования оборудования. Вот эта двойная природа различных, хотя и родственных между собой показателей, и делает их недостаточно четкими. Было бы проще, если бы, минуя вспомогательную конструкцию показателей второго типа (тем более, что задача могла быть решена без них), прямо исчислять показатели заполнения дополнительных — 2, 3 и т. д. — смен, т. е. показатели использования оборудования, и не только в отношении числа фактических смен, но и максимально возможных. Впрочем, в анализе материалов исследования автор оперирует именно этими последними величинами, а отнюдь не частными показателями сменности.

Но эти, по существу, небольшие дефекты несколько не портят того основного, что имеется в работе: освещения вопроса, которое мы в ней находим. Во-первых, она знакомит нас с достижениями русского пролетариата как в сравнении с довоенным положением дел, так и с западно-европейскими и американскими рабочими. Во-вторых, что не менее существенно, она знакомит нас с механизмом

организации нормального рабочего дня. Действительная продолжительность рабочего дня в советской промышленности оказывается меньше установленных по закону 8 часов. Почти 12% взрослых мужчин и 50% взрослых женщин пользуются сокращенным — семи, шести и менее часовым рабочим днем, и лишь у ничтожного количества всех рабочих — 0,24% — рабочий день не нормируется, при чем, в этот учет сокращенного рабочего времени еще не входят предприятия, переведенные на 7-час. рабочий день. В результате — средняя продолжительность нормального буднего рабочего дня не превышает 7,73% для мужчин и 7,93% для женщин (последние почти не участвуют во вредных производствах, а потому и процент пользующихся у них сокращенным рабочим днем ниже, чем у мужчин). Далее, средняя продолжительность рабочего дня подростков также значительно ниже, чем установленные по закону шесть часов, а именно — 5,33 ч. Остальное время падает на обучение подростков в профшколах. Интересны также выводы автора относительно современного использования оборудования и установленной системы смен. Колоссальное сокращение рабочего дня, какое произведено революцией, промышленностью в значительной мере компенсировала увеличением количества смен. Не говоря уже о непрерывных производствах, где такое увеличение является естественным следствием перехода на 8-часовой рабочий день, оно произошло почти во всех отраслях промышленности. Благодаря этому продолжительность работы оборудования сейчас и до войны почти одинакова.

Интересны, наконец, результаты исследования о ночных работах. Несмотря на увеличение сменности, средняя продолжительность ночных работ в общем невелика. На одного работавшего ночью она составляет 3,94 ч. у взрослых мужчин, 2,04 час. у взрослых женщин и 2,06 час. — у подростков, при чем за исключением непрерывных производств, ночная работа захватывает преимущественно 1, 2, 3 час. ночи. Среди работавших ночью женщин, например, 29,5% работало всего один ночной час и менее, 53,8% до двух ночных часов, 28,6% — до трех. Таким образом, то отступление от Кодекса законов о труде, которое было сделано в 1926 г. и которым разрешалось использовать женщин на ночной работе, не нашло большого применения и было реализовано с достаточной степенью осмотрительности.

Существенные изменения в режиме ночных работ для женщин производит переход на 7-час. рабочий день. В обследованных хлопчатобумажных предприятиях, переведенных уже на 7-часовой рабочий день, увеличивается и количество используемого на ночных работах жен-

ского труда и продолжительность ночной работы.

Другим следствием отмечаемого исследования перехода хлопчатобумажной промышленности на 7-часовой рабочий день является более равномерная нагрузка всех смен.

В заключение нельзя не отметить безусловного достоинства работы, выразившегося в четкости и сжатости как табличного материала, так и его текстового анализа.

Надлежит быть отмеченной также дешевая цена издания.

В. Львов

Кредит и хозяйство. Ежемесячный журнал под редакцией Е. С. Лурье, Г. Л. Наглер и А. С. Султан-Заде. №№ 1—12 за 1928 год. Издание банков. Год издания 4-й.

Истекший 1927/28 хозяйственный год дал советскому кредиту очень много нового, и главным образом, конечно, организацию Банка долгосрочного кредитования промышленности и электрохозяйства.

Организация этого Банка была поистине событием большой важности в советской кредитной системе. И журнал „Кредит и Хозяйство“, как орган банков, в достаточной мере полно — в соответствии с значением — отразил эту реформу. Реформа эта доминировала над всем материалом журнала на протяжении первой половины года, в особенности в руководящем его отделе общих вопросов кредита и денежного обращения. Большинство авторов трактовало свои вопросы преимущественно под углом зрения провозглашенной реформы.

Оставляя в стороне мысль хоть сколько-нибудь полно осветить помещенный в рецензируемых номерах материал, остановимся только на темах, которые с точки зрения текущего момента представляются наиболее актуальными.

В первую очередь о краткосрочных ресурсах банковской системы. Большинство авторов, останавливающихся на этом вопросе, более или менее единодушно констатирует, что в советских банках краткосрочные ресурсы в отличие от банков капиталистических стран слабеют, идут на убыль относительно, а в некоторых моментах и абсолютно падают. Г. Л. Наглер (№ 1) считает необходимым поставить вопрос о кризисе краткосрочных ресурсов советского банковского аппарата. Я. М. Куперман (№№ 2—3) подробнейшим образом анализирует цифры пассивов всех кредитных учреждений и также приходит к выводу, что рост текущих счетов намного отставал от темпа роста других ресурсов и особенно от средств специального назначения, имеющих по преимуществу бюджетное происхождение. Коммерческие текущие счета по всем кредитным учреждениям, говорит тот же автор, в результате 1926/27 года оказались почти стабильными. В этом же духе, примерно, говорят и другие авторы.

Спрашивается, в чем основной корень этого явления? Мысль невольно обращается в первую очередь к анализу об-

щих определяющих условий советского хозяйства. Совершенно правильно поэтому ряд авторов обращается к противопоставлению методов хозяйствования в СССР и капиталистических странах. Пассивы капиталистических банков, пишет К. К. Лупандин (№ 8), в значительной части получаются за счет накопленных капиталов, принимающих ссудный денежный характер. Через капиталистические банки, равным образом через биржи и инвестиционные тресты, этот ссудный капитал направляется в выгодные предприятия. Следовательно, для капиталистического хозяйства высота процента (выгодность) и финансовый институт (банк, биржа и т. п.) как формальный организатор хозяйства будут характернейшими чертами в обрисовке методов хозяйствования.

Совершенно иначе обстоит дело в советском хозяйстве. Процент в советском хозяйстве, главным образом, конечно, в его банковской работе, представляет собой только простую компенсацию за услуги. Банк же при руководящей роли плана во всем хозяйстве, говорит тот же К. К. Лупандин, вместо того чтобы кредитовать клиентуру по своему выбору, как это происходит в капиталистических условиях, стал просто распределять свои кредитные ресурсы по объективным нормам. И как вывод из противопоставления методов хозяйствования можно было бы привести мысль Я. М. Купермана, правда, им же самим отвергаемую (№№ 2—3), о том, что в капиталистическом строе колоссальную роль играет денежное обращение, и поэтому естественно, что банковский аппарат там имеет огромное значение. Наоборот, в коммунистическом обществе, где теряется экономическая автономность отдельных предприятий и где исчезает денежное обращение, там нет места и кредиту. В переходный же период значение кредита неминуемо должно уменьшаться.

Спрашивается, какие же практические выводы предлагаются отдельными авторами в условиях „кризиса“ краткосрочных ресурсов советского банковского аппарата?

П. П. Кутлер в статье „Капиталы советских банков“ (№№ 2—3) считает, что

пополнение банковских капиталов из общенационального дохода по бюджету должно проводиться в том же порядке, в каком проводится финансирование других отраслей народного хозяйства. Затем, такой же строгий, как и в отношении бюджета, должен быть установлен порядок отчисления в банк от прибылей хозяйственных органов. И, наконец, П. П. Кутлер совершенно ошибочным считает существующий у нас взгляд на противоположность банковской рентабельности. Другой автор, Г. Л. Наглер, в интересах поддержания краткосрочного кредита, предлагает широкое использование в краткосрочном кредите ресурсов, пригодных для долгосрочного использования (№ 1). Но в основном все же большая часть авторов высказывается в том смысле, что советский кредит не может рассчитывать на ту роль и содержание, какую он имеет в условиях частного-капиталистического строя.

Проблема сбережений в журнале „Кредит и Хозяйство“ также подверглась анализу со стороны ряда авторов. Г. Л. Наглер (№№ 4—5) намечает пути практического осуществления директив, данных по этому поводу XV съездом партии. Важнейшие из этих путей, по мнению указанного автора, таковы: координация отдельных линий по мобилизации сбережений в одном организационном центре, правильное разделение труда между отдельными аппаратами мобилизации сбережений, разработка чуткой системы методов мобилизации сбережений, и в частности — технических приемов мобилизации. В связи с этими же директивами партии и во исполнение постановления СНК в статье З. Г. Зангвилья (№№ 6—7) изложены результаты обследования этого вопроса, а вместе с тем, и выводы по данным НК РКИ. Как видно из статьи З. Г. Зангвилья, НК РКИ обнаружил целый ряд недочетов в области сбережений, наметил пути к устранению этих недочетов и к дальнейшему развитию этого дела в СССР. При всем том в области мобилизации сбережений имеются и колоссальные достижения. Например, из статьи Д. А. Лоевского (№ 8) видно, что от года к году роль периферии (в данном случае приводится подписка на госзаказы) увеличивается. Так, в 1925 году периферия дала всего только 10,3% общего итога подписки, в 1926 — 23,4%, в 1927 — 30,3% и в последнем году (заем индустриализации) — 52,7%.

Огромное внимание журнал уделил проблеме взаимоотношений, с одной стороны, клиентуры с банками, а с другой — банков с НКФ по бюджетной линии. При этом первая сторона взаимоотношений у разных авторов рассматривается с разных точек зрения. Одни авторы, напр. Г. Л. Наглер и др., эту проблему ставят под углом зрения контроля банков над хозяйственной деятельностью клиентуры, в частности — контроля за правильным

использованием отпускаемых банками средств. Другие — с точки зрения усиления кредитной дисциплины путем усиления ответственности дебиторов. В части взаимоотношений НКФ и банка Г. Л. Наглер считает необходимым различать двоякого рода отношения. А именно: в тех случаях, когда НКФ ассигнует через банки долгосрочного кредита средства на финансирование народного хозяйства, за НКФ должно быть оставлено право входить в рассмотрение отдельных назначений. Иначе должен ставиться вопрос в том случае, когда НКФ вносит в банк на определенных условиях погашения долгосрочный вклад, то есть, производя за счет бюджетных средств временное расширение оборотных средств банка. В этом случае, по мнению названного автора, НКФ не должен интересоваться, каким образом банк из этого вклада будет финансировать хозяйство. В общем же, поскольку просто вклады в плановом хозяйстве должны составлять исключение из общего правила, широкая компетенция НКФ как одного из основных кредиторов хозяйства должна быть признана безусловно правильной.

Весьма слабо в журнале затронута проблема „бюджет и кредит“, а между тем, с организацией нового банка она сама собою напрашивается. Из работ, затрагивающих эту проблему, следует отметить статью С. М. Киселева (№ 10). Центральная установка автора состоит в защите кредитного метода (через банк), при аккумуляции народнохозяйственных накоплений. Автор всецело за банк, за его гибкие и вместе с тем более чувствительные, чем бюджет, приемы. Однако, в своей аргументации в пользу банка, в особенности после критики работ проф. З. Каценеленбаума, С. М. Киселев не представляет убедительным. И установка тов. Трахтенберга в этом вопросе, которую берет под обстрел С. М. Киселев, является более обоснованной.

Интересными представляются отдельные моменты в статье М. И. Боголепова „О новом финансовом плане“ (№ 12). Под финансовым планом в настоящем время автор мыслит необходимую, первичную пригону друг к другу трех больших планов — бюджетного, кредитного и плана финансов производственных организаций. Автор полагает, что единство, целостность и прочное взаимодействие в нашей финансовой системе достигаются их телеологией. Но цели, ради которых приводится в действие сложная система финансов, лежат вне финансов. В этом отношении М. И. Боголепов с полным правом отвергает ошибочную точку зрения тех, кто в финансах хочет видеть генеральные линии для хозяйственных планов.

Из других актуальных проблем текущего момента, затронутых журналом, необходимо указать на проблему денежного обращения. С теоретической стороны эта

проблема освещается в следующих работах. В статье Ф. Д. Лившица и ответе на нее в статье Т. К. Энгеева. В статье „Советский банк и денежное обращение“ (№ 10) Е. С. Лурье ставит задачу в советских условиях подтвердить старый закон, что банкнотными деньгами иначе как банковым путем, управлять нельзя. Утверждая это положение, автор, в частности, считает, что усиление кредитного контроля со стороны банка составит одно из наиболее действенных орудий, посредством которого банк будет в состоянии управлять денежным обращением. К этой категории работ можно отнести также статью С. М. Винокура (№ 12). Рассматривая вопрос об экономическом значении безденежных расчетов, т. Винокур приходит к выводу, что

введение безденежных расчетов вовсе не „освобождает“ эмиссионные возможности банка. Система этих расчетов — с точки зрения эмиссионной политики — не что иное, как натурализация оборота. Рассмотрение же натурализации, как обстоятельства, обуславливающего большие эмиссионные возможности, столь же парадоксально, как и неверно.

Значительная часть материала последних номеров журнала, в особенности №№ 10, 11 и 12, посвящена оценке истекшего 1927/28 года и плановым предположениям на следующий 1928/29 год.

В общем „Кредит и Хозяйство“ — орган живой. Работа кредитной системы Советского Союза, в особенности в ее практическом аспекте, в журнале бесспорно отражается.

А. Неусыгин

Экономическая жизнь Дальнего Востока, 1928 г., №№ 1—10. Хабаровск. Изд. Дальневосточной краевой плановой комиссии.

Среди других областей СССР Дальневосточный край безусловно может быть отнесен к тем, которые должны возбудить наибольшее внимание и наибольший интерес в нашей экономической литературе. За первые годы революции, вплоть до советизации Дальнего Востока, осуществившейся в 1923 г., эта часть Союза жила изолированной жизнью, в условиях революционных пертурбаций. Дальний Восток, вступивший в состав Советского Союза, оказался резко отличающимся от остальной его части. Применение советского законодательства потребовало целого ряда модификаций, учитывающих особенности Дальнего Востока. В течение первых лет революции Дальний Восток был вне поля зрения нашей практической и научно-экономической мысли. С советизацией работу по его изучению приходилось начинать сначала. К этому надо добавить, что политика самодержавия интересовалась Дальним Востоком исключительно как военным плацдармом для осуществления империалистической политики на Тихом океане. Производительные силы его рассматривались исключительно с этой военно-стратегической точки зрения. Военные соображения диктовали такие меры, которые зачастую не развивали, а напротив удушали производительные силы. Между тем, колоссальные естественные богатства края открывали возможность широчайшего приложения производительного труда и хозяйственного строительства с богатейшими перспективами. Залежи угля и нефти образуют энергетическую базу; имеются нетронутые запасы лесов, золота, редких металлов и элементов, широкие перспективы для скотоводства, своеобразные условия для сельского хозяйства откры-

вающие возможность новых его отраслей (рис, бобы, сахарная свекла, шелководство и пр.) и, наконец, запасы пушных и рыбных богатств мирового значения. Все эти богатства лежали втуне, край оставался лишь местом для постройки крепостей и проведения стратегических железных дорог. Едва ли не наибольший вклад в „капитальное“ строительство „Приамурского края“ относился при самодержавии за счет постройки казарм, „военных городов“ и Владивостокской крепости. Край жил за счет метрополии и требовал от страны все новых и новых дотаций, местная промышленность не развивалась, колонизация остановилась на зачаточной ступени.

С советизацией Дальнего Востока советская экономическая мысль встретила с *tabula rasa*, с новой территорией, которую нужно было познать, оценить ее экономические потенции, привести их во взаимную связь, определить, какие отрасли подлежат срочной поддержке, выяснить пути слияния и связи дальневосточного сектора с единым хозяйственным организмом Союза, провести его хозяйственно-целесообразное районирование, словом, составить хозяйственный план Дальне-Восточного края. После первых неуверенных шагов,¹ после первых чисто описательных работ исследователи все глубже и глубже проникают в предмет и, самое главное, от категории „сущего“ переходят к категории „должного“, от

¹ За последнее время появилось много работ, посвященных Д. В. Укажем для примера: Лежнин, „Богатство Приамурья и Забайкалья“ Читя, 1922 г. Сборник „Приморье“ (Владивосток, 1923), „Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока (Владивосток, 1923 г.), „Внешняя торговля и экспортные возможности Д.-В. края“ (Москва, 1926 г.), „Горные концессии“,

современного положения к задачам и планам будущего строительства.

Обращаясь к рецензируемому журналу, насчитывающему уже 6 год издания, необходимо отметить, что ему принадлежит заслуга создания для местных работников близкого и доступного пути к печатному слову. Чрез посредство этого журнала они имеют возможность делиться итогами своих работ, своими сомнениями, высказывать свои критические замечания и знакомиться с опытом своих предшественников.

Журнал имеет следующие постоянные столбы: руководящие статьи, работы по сельскому хозяйству, промышленности, колонизации, транспорту, торговле, финансам, местному хозяйству, кооперации, краеведению, отдел „За рубежом“ и библиография.

Руководящими статьями в рассматриваемых выпусках журнала являются: „К вопросам перспективного планирования ДВК“ (№ 1), „Основные черты хозяйственной перспективы и задачи хозяйственного строительства“ (№ 6), „Хозяйство ДВК“ (№ 9), „Перспективы народного хозяйства края на 1928/29 г.“ (№ 7—8), „Общехозяйственный план и конъюнктура 1927/28 г.“ (№ 2) и др. Эти статьи обрисовывают достижения, указывают общие дефекты и намечают новые пути. Они, безусловно, являются наиболее важными для общего познания края и ознакомления с перспективами его дальнейшего экономического развития.

Остановимся на некоторых важнейших данных по экономике Дальнего Востока, поскольку они отражены в указанных руководящих статьях.

1927/28 г. является для Дальневосточного края гранью восстановительного процесса. В этом году сельское хозяйство в целом не только достигло довоенного уровня, но по посевам и животноводству далеко опередило рекордный 1917 г. Валовая продукция сельского хозяйства и промышленности в 1927/28 г. возросла по сравнению с предыдущим годом на 15,6%. Капитальные вложения составили в 1927/28 г. 72 млн. руб. против 37 млн. руб. в предшествующем году. Внешнеторговый оборот увеличился на 40,6%. Положительное сальдо этого оборота возросло на 42%. Уже 1927/28 г. приблизил край к ликвидации хлебного дефицита. Такой бурный рост всех сторон народного хозяйства дает основание проектировать на 1928/29 г. дальнейшее движение по тому же пути индустриализации. Капитальные вложения запроектированы на 1928/29 г. в сумме 169 млн. руб. Энергично возра-

стает в области промышленности обобщенный сектор. Вступают в хозяйство новые промышленные единицы крупного значения. Возникают новые отрасли в сельском хозяйстве, напр., рисосеяние.

На ряду с этими положительными факторами в жизни края, журнал отмечает ряд нелегко преодолимых трудностей. Изученность его еще крайне слаба, изученность даже чисто географическая. „Территория края, без Камчатки и Забайкалья, площадью примерно в 1,2 млн. км. покрыта сплошной сьемкой всего на 12%, маршрутной—47%, совсем не исследовано 41%. Хозяйство носит до сих пор отсталые, экстенсивные формы. Индустриализация края делает только первые шаги. Слабление края продуктами общесоюзной промышленности еще далеко отстает от платежеспособного спроса. При сжатии импорта разрыв между покупательным фондом и товарной массой заполняется контрабандой. Недостаточность трудовых ресурсов края является наиболее узким местом, препятствующим разрешению стоящих перед ним задач. В области угольной промышленности, на лесозаготовках, в золотопромышленности, на рыбных промыслах,—повсюду интенсивный подъем производства и добычи наталкивается на острый недостаток квалифицированной рабочей силы. Недостаток этот пополняется импортом китайских рабочих. Но такая мера далеко не разрешает вопроса. Китайская рабочая сила это прежде всего элемент крайне текучий, а его квалификация ниже требуемого уровня. Проведение индустриализации встречается с необходимостью разрешить сложную проблему промышленной „колонизации“. Если в области с.-х. колонизации мы имеем богатейший опыт и давно изведенные пути, если она и без участия государства шла бы „самотеклом“, то методы привлечения промышленных и промысловых рабочих являются совершенно неизученными. Индустриализация требует разрешения попутно стоящих задач, например, жилищного вопроса, вопроса о наборе подходящей рабочей силы, о временном обеспечении ее до найма и пр. Нельзя признать, что эту проблему удалось до настоящего времени удачно разрешить. Надо отметить, впрочем, что и переселенческое дело в целом еще далеко от благоприятного разрешения. Прилив переселенцев составлял в 1926/27 г. всего 49 тыс. душ, в 1927/28 г. ожидалось 75 тыс. душ. Слабый ход переселения на Дальний Восток объясняется отнюдь не отсутствием тяги к переселению из Европейской части Союза, а неустраиваемостью этого дела, неподготовленностью земельного фонда и другими организационными недостатками, которые вызывают обратный отъезд переселенцев.

В других статьях журнала, посвященных отдельным вопросам, последние разрабатываются более детально, что дает

„Лесные концессии“ (Хабаровск, 1925 г.) Дербер и Шер „Очерки хозяйственной жизни Д. В.“ (Москва, 1927 г.), Нерсесов „Дальний Восток“, „Экономические очерки“, „Экономика Дальнего Востока“, изд. „План. Хоз.“ (Москва, 1926 г.). К этому надо добавить ряд контрольных цифр и других официальных изданий Далькрайплана.

возможность соответствующим специалистам более глубоко изучать отдельные проблемы. Не все эти статьи являются, разумеется, равноценными, иные мало проработаны и носят характер сырого материала докладов и сводок, другие представляют безусловно ценный вклад в изучение экономики Дальнего Востока и доказывают стремление авторов сказать свое самостоятельное слово по актуальным вопросам текущей экономической жизни.

Укажем на некоторые заслуживающие внимания статьи.

Как мы уже указывали, наиболее важной и трудно разрешимой задачей на Дальнем Востоке является недостаточность людских резервов. И среди местных задач переселения поставлена во главу угла. Этой задаче в рецензируемом журнале посвящен ряд заслуживающих внимания работ. Укажем, прежде всего, на статью А. Ярмоша „Задачи и методы промышленной и промысловой колонизации“ (№ 1). Отмечая, что „невыполнение плана заселения означало бы срыв или, во всяком случае, замедление темпа развития всего хозяйства“, автор констатирует, что „если на многих участках хозяйственного строительства мы опережаем темп, намеченный перспективным планом, то в ходе заселения мы резко отстаем от него (на 30—40%)“. Автор приводит ряд данных, характеризующих трудность разрешения рабочего вопроса в отдельных отраслях хозяйства. Анализируя понятие промышленной и промысловой колонизации, тов. Ярмош предлагает вниманию читателя конкретную программу колонизации Дальнего Востока отдельными категориями рабочей силы. Ряд интересных замечаний дает Б. Клепинин в своей критике пятилетнего плана колонизации, разработанного ДВ переселенческим управлением (№ 9). Специальный интерес представляет статья Н. Созыкина (в № 7—8) о колонизации Сахалина.

В том же № 7—8 обращает на себя внимание работа тов. Е. Жигадло „О классовом расслоении ДВ деревни“. Остановившись на методологии вопроса и на анализе необходимого для его разрешения статистического материала, автор дает богатый материал для знакомства с социальными процессами, происходящими в ДВ деревне.

Вопросам сельского хозяйства посвящена статья П. Мамаева „К весенней посевной кампании 1928 г.“ (в № 2 журнала). Несмотря на скромный заголовок, она дает достаточно полный анализ основных вопросов сельского хозяйства ДВК и намечает новые пути и методы его развития (контрактация, совхозы, „краевой фонд сортовых семян“ и др.). Напротив, рядом стоящая статья Кабрицкого о хлебном дефиците является, к сожалению,

слишком конспективной и далеко не соответствует важности темы.

Очень интересная и нужная работа Бедлинского по текущим вопросам строительства ДВК помещена в №№ 2 и 4—5. Автор дает исчерпывающую характеристику положения строительства в крае с точки зрения обеспечения его рабочей силой и техническим персоналом, останавливается на организационных моментах, рассматривает строительные материалы и технику строительства с точки зрения их применимости на Дальнем Востоке, сообщает данные о снабжении края ввозными материалами из центра и из-за границы.

Целый ряд статей занят новыми для ДВК вопросами — шелководство, молочное хозяйство, холодильное дело, рисо-сеяние, текстильная промышленность, выделка шкур, сухая перегонка дерева и др. Эти статьи вскрывают новые многообещающие стороны народного хозяйства, которые укрепят в будущем экономику Дальнего Востока и создадут из него более полный и разносторонний хозяйственный комплекс.

Особо следует отметить отдел „За рубежом“. Работа наших дальневосточников по экономике Японии и Китая уже нашла себе заслуженную оценку среди специалистов. В журнале периодически освещается хозяйство сопредельных стран, с которыми Дальний Восток имеет непосредственные и оживленные связи. В отделе краеведения обращают на себя внимание статьи о наводнении. В журнале уделяется внимание также и крайнему северу (например, статья „Чукотские ярмарки“).

Нельзя не дать, в заключение, вполне благоприятной оценки журналу, сумевшего объединить вокруг себя наличные литературные, научные и практические силы и дать ценный для края и для центра материал.

Просмотр журнала за 1928 г. дает, вместе с тем, основание согласиться с высказываемым в журнале мнением, что „несмотря на малую изученность и исследованность ДВК, его хозяйственную молодость вообще и советскую в частности, оторванность от частого живого общения с центральными органами, несмотря на отсутствие в краевом центре научных и высших учебных заведений и ряд других неблагоприятных обстоятельств, край проявляет огромную энергию, и работа по всем сторонам его хозяйства продвинулась значительно вперед (№ 1) и что СССР „приближается к разрешению задачи превращения огромной и экономически отсталой окраины Советского Союза в восточный форпост культурного и хозяйственного строительства“ (№ 9).

А. Бонч-Осмоловский

Г. Донской. Борьба за Латинскую Америку. Изд. „Моск. Рабочий“, 1928 г., стр. 150, ц. 1 руб. 35 коп.

Рецензируемая книжка делится на две части: общую и специальную. В первой части автор дает краткий очерк исторического развития Центральной и Южной Америки и детально останавливается на борьбе Англии и Соед. Штатов за гегемонию в Латинской Америке; автор иллюстрирует англо-американское соперничество рядом цифровых данных об инвестициях Соед. Штатов и Англии в отдельные страны Латинской Америки. Данные эти, однако, столь мало систематизированы, что не оставляют у читателя ясного представления о том, какой капитал преобла-

дает в отдельных центральных и южно-американских республиках.

Между тем, в иностранной прессе (французской) приводились интересные данные о распределении по национальности капиталов, инвестированных в страны Южной Америки на 1 июля 1928 г. Эти данные говорят о том, что в Аргентине и Бразилии, а из мелких республик — в Парагвае, попрежнему, преобладают английские инвестиции, а в Чили, Перу, Венесуэле, Колумбии и Боливии — северо-американские.

Распределение по национальности капиталов, инвестированных в страны Южной Америки

(В %/о)

	Чили	Аргентина	Бразилия	Перу	Венесуэла	Колумбия	Боливия	Парагвай	Эквадор	Итого
Английский	29	67	54	26	30	16,5	26	30	37	49
Сев.-американский . .	44	16,5	17	43	58	75	55	23	59	26
Капиталы прочих стран	27	16,5	29	21	12	8,5	19	47	4	25

Чрезвычайно показательной является итоговая цифра распределения инвестиций во все страны Южной Америки: на 1 июля 1928 г. из общей суммы инвестиций 8.403 млн. долл.: 4.103 млн. долл. (49%) приходилось на английские инвестиции, 2.167 млн. долл. (26%) — на американские и 2.043 млн. долл. (25%) на инвестиции прочих стран (главным образом, немецкие и французские капиталы).

Автор рецензируемой работы приводит также в отдельной таблице данные о проникновении северо-американского капитала в Центральную и Южную Америку; было бы интересно сопоставить абсолютные размеры и удельный вес этих инвестиций с общей суммой инвестиций Соед. Штатов на протяжении длительного периода, например, 1913—1927 гг. Если сопоставить северо-американские инвестиции по следующей схеме: Европа—Канада—Южная Америка—Центральная Америка (включая Кубу, Мексику и Вест-Индию), Япония, Китай, Филиппины — прочие страны, — то можно установить, что по темпу роста инвестиции в Южную Америку стоят на первом месте (в 1913 г. — 100 млн. долл., 40% в отношении общей суммы инвестиций Соед. Штатов; в 1927 г. — 2.247 млн. долл., 16% в отношении ко всем инвестициям).

Во второй части книги автор дает краткий очерк Аргентины, Бразилии, Чили и Мексики. От этой второй части книжки читатель вправе ожидать сжатого и ясного анализа экономики этих стран, в значительной степени определяющей (благодаря сво-

ему удельному весу) хозяйственную структуру Центральной и Южной Америки. Вторая часть книги должна была бы дать ответ на следующие два основных вопроса: 1) происходит ли индустриализация этих стран (анализ структуры внешней торговли, железнодорожного и коммунального строительства, развитие добывающей и обрабатывающей промышленности и т. д.), 2) состояние сельского хозяйства на основании определенной системы показателей по основным культурам (возделываемая площадь, урожайность, производство и экспорт) и установить, перешло ли сельское хозяйство от экстенсивного к интенсивному.

Автор поступил экономически неверно, начав свой анализ (страны Южной Америки) с Бразилии, так как экономически и политически страной — гегемоном Южной Америки является Аргентина. Чрезвычайно полезно было бы автору использовать книжку *Railways of South America*. Part I. Argentina и почерпнуть оттуда данные о росте населения, возделываемой площади и длине железнодорожной сети на протяжении 1857—1927 гг. в Аргентине. Затем, следовало проанализировать структуру экспорта и импорта и установить одностороннюю ориентацию хозяйства Аргентины (экспорт складывается, в основном, из следующих групп: пшеница, кукуруза, льняное семя, шерсть и мясо в консервированном, охлажденном и мороженном виде — 83% всего экспорта по ценности в 1913 г. и 83% — в 1927 г.). На основе анализа импорта Аргентины и ро-

ста удельного веса групп: „машины и изделия“, „сельскохозяйственные машины и инструменты“ и „электромашины и электротовары“, — можно с несомненностью сделать вывод об индустриализации страны (правда, на основании этих показателей темп индустриализации чрезвычайно медленный). По сельскому хозяйству необходимо было проследить динамику следующих основных культур: 1) хлебные злаки (пшеница, кукуруза, овес, ячмень, рожь), 2) огородные культуры (картофель), 3) технические культуры (хлопок — хлопковое семя, лен — льняное семя, сахарный тростник, табак), 4) вино, 5) животные продукты (масло, сыр, казеин) и, наконец, динамику стада (лошади, ослы, мулы, рогатый скот, овцы, козы и свиньи). Сопоставляя данные 1909—1913 гг. и 1927—1928 гг. (по данным *International Yearbook of Agricultural Statistics*) можно установить экстенсивный тип развития аргентинского сельского хозяйства; правда, рост производства происходит под влиянием двух факторов: роста посевных площадей и урожайности, но отсутствие импорта искусственных удобрений говорит о том, что рост урожайности носит тоже экстенсивный характер и является результатом освоения новых девственных земель.

Необходимо было также подробнее остановиться на состоянии горной промышленности Аргентины, в частности, на добыче нефти. В отношении обрабатывающей промышленности следовало привести данные ценза 1913 г. и исчисления статистика Бунге.

Анализируя Бразилию, автору нужно было проанализировать структуру внешней торговли (народнохозяйственный показатель, наиболее полно учтенный); установить, на основе анализа экспорта, еще более резко выраженную, чем в Аргентине одностороннюю структуру бразильского народного хозяйства: в 1913 г. кофе, какао, табак, кожи и каучук — 89% всего экспорта по ценности, в том числе кофе — 63%; в 1927 г. — 84%, в том числе кофе — 71%. Рост импорта по группам (абсолютный и относительный): „машины и аппараты“, „электромашины“, „железнодорожные вагоны“, „автомобили“, — дает основание сделать вывод о неуклонной индустриализации страны (в 1913 г. импорт по этим группам составлял 52,952 тыс. амер. долл. и 16,3% во всем импорте; в 1927 г. — преумноженные данные — 66 492 и 17,2%).

Недостатком является также отсутствие данных по горной промышленности Бразилии; такие данные, охватывающие период 1913—1926 гг., довольно полные, имеются (добыча угля, марганцевой руды, горного хрусталя, серебра, золота и слюды). По обрабатывающей промышленно-

сти необходимо было привести данные ценза 1920 г., а также суммарные данные о продукции отдельных отраслей обрабатывающей промышленности за период 1913—1916—1921 гг., а по основной отрасли — текстильной — следовало бы привести имеющиеся более поздние данные за 1926 г. В заключение нужно было привести цифры динамики бюджета, государственного долга и состояния денежного обращения.

Наиболее неполной главой рецензируемой книги является очерк, посвященный Чили. Селитра и медь определяют народное хозяйство Чили (71% экспорта по ценности в 1927 г.). Поэтому, автору следовало особенно подробно остановиться на состоянии селитровой и медной промышленности (размеры производства, экспорт, потребление, запасы, инвестиции капиталов по национальности и, наконец, доля в мировом производстве). Анализ импорта привел бы автору установить тенденцию индустриализации страны: в 1913 г. — машины для горной промышленности и производства, котлы и их части, электрическая аппаратура, железнодорожные материалы и орудия, автомобили составляли по ценности 12% всего чилийского импорта, в 1925 г. — 15%.

В конце рецензируемой книги автором приводится список использованной литературы, который в значительной степени объясняет отмеченные нами недостатки. Бросается в глаза отсутствие среди использованной автором литературы иностранных статистических справочников и иностранной периодической прессы. Из справочников совершенно необходимо было пользоваться: *International Yearbook of Agricultural Statistics*, *Commerce Yearbook*, vol. II *Foreign Countries*. Из периодической прессы автору необходимо было ознакомиться (по меньшей мере) с периодическими конъюнктурными обзорами и хроникой (по Аргентине, Бразилии, Чили и другим южно-американским республикам) помещаемыми в „*Wirtschaftsdienst*“, „*Board of Trade*“ и „*Commerce Reports*“.

Только после ознакомления с указанной литературой автору можно было прибегнуть к монографиям, список которых он приводит. Автор поступил, наоборот, используя монографии, не ознакомившись с необходимым основным минимумом экономической и статистической литературы; поэтому у читателя остается чрезвычайно смутное и неясное представление после прочтения книги тов. Донского.

В виду отсутствия на русском языке другой работы по Центральной и Южной Америке, книга тов. Донского все же может быть использована в качестве популярного и неполного пособия.

М. Коган

Экономическая организация английской периодической печати

Мы намерены познакомить русского читателя с материалом, относящимся к организации и экономике английской прессы. Материал этот опубликован в английском журнале „*The Economist*“, №№ 4.445—4.449 и представляет большой интерес, поскольку вопрос этот до сих пор слабо освещался.

I

Периодическая печать в Англии (как и в других капиталистических странах) из отрасли „духовной“ культуры превратилась в коммерческое дело, дело огромного размаха по образцу крупных капиталистических предприятий в сфере промышленности, торговли и кредита.

Современная пресса, по выражению „*Экономиста*“, это „одна из больших британских индустрий“, с тенденцией к крупнейшим рекордным масштабам работы: многомиллионному тиражу, огромным капиталам и чрезвычайным прибылям.

Она подражает крупной индустрии не только в отношении масштаба своей деятельности, но и по форме организации.

Большой интерес вызывают организационные процессы, совершающиеся в ней и направленные к „трестификации“, объединению газет и журналов в руках небольшого числа предприятий монополистического характера.

Творцом новых организационных форм принято считать покойного лорда Нортклифа, который сумел подчинить своему влиянию или, как говорят англичане, „контролю“ большое число периодических изданий.

В это число вошли: знаменитая газета „*Таймс*“ и многочисленные органы печати, уже ранее объединенные двумя компаниями. Одной из них, „*Associated Newspapers*“, принадлежат три газеты и среди них известная у нас „*Daily Mail*“, другой — „*Amalgamated Press*“ — 70 популярных журналов, еженедельных и месячных. Все эти газеты и журналы Нортклиф объединил под своим крылом.

После смерти его (в 1922 г.) эта группировка распалась. Между прочим, выделился и приобрел самостоятельность „*Times*“, перешедший к двум новым владельцам. Концентрация издательского дела, однако, продолжалась.

В результате длинного ряда сделок и финансовых комбинаций, борьбы дельцов и соглашений, между ними образовались новые группировки, которые держат всю английскую печать в своих руках.

Основных объединений теперь четыре. Из них: 1) *Berry Combine* (по имени участников, братьев Берри) сконцентрировало вокруг себя следующие издания: 26 газет, выходящих в 11 городах, свыше 100 еженедельных, двухнедельных и месячных журналов, 18 еженедельных. 2) Объединение лорда Ротермира, которое распро-

странило свое владение на 15 изданий в семи городах. 3) *The Inveresk Combine*, владеющее 18 изданиями в 6 городах. Любопытно, что хозяином дела здесь является предприятие, казалось бы, весьма далекое от журналистики, компания писчебумажных и целлюлозных фабрик *Inveresk Paper Company*. По заявлению председателя этой компании, газеты и журналы приобрелись ею с специфической целью — обеспечения рынка для бумажной продукции и, наконец, 4) „*The Liberal Combine*“ распоряжается 12 органами либерального направления.

Кроме этих четырех основных комбинаций образовано еще два, интересующихся только специальной прессой: *Industrial Newspapers, Limited* с пятью журналами, посвященными различным отраслям промышленности, и *Financial Newspapers Proprietors Limited*, издающий пять журналов по финансовым вопросам.

Перечисленные группировки оказались настолько мощными, что прибрали к рукам всю английскую печать. Из сферы их влияния ускользнули только немногие издания, исчисляемые единицами.

По наличным материалам трудно судить о внутренней структуре и типе новых издательских организаций. Они фигурируют тут под различными наименованиями „*combine*“ — комбината, объединения, треста и т. д. Повидимому, наименование треста менее всего подходит к ним, поскольку мы соединим со словом „трест“ представление об организации, в которой отдельные производственные и хозяйственные единицы совершенно теряют свою самостоятельность. Этого нельзя сказать про отдельные газеты и кампании, вошедшие в состав объединений. Надо полагать, что „*combine*“ ближе к типу концерна или контрольного общества, с более либеральными связями административного и финансового характера между участниками организации.

Возможно, конечно, существование в виде исключения и настоящих газетных трестов там, где организационное оформление доведено до конца.

Ниже мы вслед за „*Экономистом*“ и для удобства применяем термин „трест“ во всем виде объединений, но в совершенно условном смысле.

II

Современная газета, рассчитанная на массовое распространение, для надлежащей своей постановки требует огромных капиталов. Потребность эта еще более усиливается благодаря ожесточенной конкуренции из-за читателя и подписчика. При таких условиях финансирование газетного дела для единоличного предпринимателя или небольшого акционерной компании становится недоступным, и рано или поздно должен встать вопрос

о слиянии или поглощении маленького дела крупной издательской организацией. Как и в других отраслях экономики, газетная „трестификация“ вызывается расширением масштаба хозяйства („концентрацией капитала“) и обострением конкуренции.

Сконцентрированный в новых формах и огромных размерах „трестифицированный“, капитал, со своей стороны, вызывает дальнейшие изменения в газетной экономике. Биржа устанавливает известное соответствие между доходом от газетных предприятий и курсом их акций. Это обстоятельство ведет к преувеличению рыночной цены и номинальной суммы основных капиталов по сравнению с действительной и первоначальной их стоимостью.

В использованных материалах приведен ряд примеров, показывающих, что одни и те же предприятия при переходе из рук в руки раздували свою рыночную цену и акционерный капитал во много раз.

Взросший теми или иными путями капитал ставит перед газетным хозяйством свое категорическое требование относительно обеспечения его надлежащей доходностью. И здесь мы подходим к основному вопросу современной газетной экономики — структуре его доходного бюджета, радикально изменившейся в последние годы.

Этот вопрос, равно как и вся экономика издательского дела в Англии, иллюстрируется примерным бюджетом, приведенным журналом „The Economist“. Это типичный бюджет большой, дешевой и распространенной газеты с тиражом в 2.000.000 экземпляров, средним размером в 23 страницы, ценой — розничной — в 1 пенни за экземпляр, а оптовой — в 0,6 пенни.

Приход (в фунт. стерл.)	Расход (в фунт. стерл.)
Доход от прод. 1.550.000	Бумага . . . 1.700.000
„ от об'яв.	Трансп. расх. . . 400.000
и рекламы . . 3.000.000	Пронзв. „ . . . 700.000
	Издат. издер. . . 200.000
	Расх. по рекл.,
	зарплата и ком-
	миссии . . . 150.000
	Расх. по тираж. . . 75.000
	Прочие наклад.
	расходы . . . 175.000
	Валовая приб. 1.150.000
Итого . . 4.550.000	4.550.000

(Среди расходов здесь не перечислены некоторые статьи экстраординарного порядка, рассчитанные на привлечение читателей. Они погашаются за счет прибылей. На них мы остановимся ниже.)

Приведенные расчеты показывают, что бюджет большой английской газеты построен почти исключительно на доходе от объявлений, печатаемых в ней. Основной, казалось бы, источник средств — поступления от подписки и продажи газеты, — составляет каких-нибудь 25% всего валового дохода и не покрывает даже затрат на бумагу.

Объявления занимают все больше и больше места на страницах газет и оттесняют на задний план основной печатный материал. В дешевой прессе они уже охватили 47% площади газетной простыни. В более солидной, как „Таймс“, „Дейли Телеграф“ (цена 2 пенни) — только 35%. Вместе с тем, растет и цена рекламы, которая увеличилась по сравнению с 1913 г. на 200% и ныне колеблется в пределах от 70 шиллингов до 6 фунтов за дюйм в печатном столбце.¹

Газету оплачивает, таким образом, уже не читатель, а поставщик рекламы.

При примерной стоимости экземпляра газеты в 1,59 пенни, плата в 0,6 пенни² оставляет непокрытой большую часть расходов и дает убыток в 0,99 пенни. Потерю эту покрывает и, кроме того, обеспечивает прибыль на капитал „advertiser“, т.е. лицо или фирма, пользующиеся газетной рекламой, — назовем его публикатором. Публикатор несет доход приблизительно в размере 1,16 пенни на газетный экземпляр. Публикатор кормит газету и, стало быть, приобретает огромное влияние на нее, он начинает предписывать ей свои законы.

Публикатор обращается преимущественно к наиболее распространенным газетам, к изданиям с наибольшим тиражом. Тем самым он заставляет всю печать форсировать свой тираж. Погоня за подписчиком принимает необычайные размеры и формы. Издательства идут на всевозможные ухищрения. Читателя берут на приманку разнообразными методами. Из них наибольшее значение приобрело коллективное страхование подписчиков на случай смерти или какого-нибудь несчастья. Риск берет на себя страховое общество, с которым газета заключает договор о страховании всех своих подписчиков. Подписчик без производства каких-нибудь специальных платежей, благодаря одному только факту подписки, оказывается застрахованным и очень часто на весьма крупную сумму — в некоторых газетах до 25 тыс. фунт. стерлингов.

По оценке одного специалиста страховые операции всех английских издательств в сумме своей могут быть приравнены к годовой сумме операций страхового общества с оборотом от 12/3 до 2 млн. фунт. стерлингов.

Страхование служит для газет могучим орудием рекламы. Каким образом оно используется, дает представление следующая бытовая картинка, нарисованная „Экономистом“.

„Стоит где-нибудь удовлетворить какую-либо страховую претензию, как сейчас же это место наводняется армией агентов по вербовке подписчиков, возглавляемой...“

¹ В некоторых воскресных газетах в 2—3 раза дороже.

² Оптовая цена экземпляра газеты.

счастливец, получившим страховое вознаграждение... Вслед по их пятам является конкурирующая громада (regiment), вооруженная контрпропагандой — в пользу газеты Daily Penny. Бывают случаи в промышленных районах, когда целые улицы оспариваются друг у друга дюжинами различных агентов в течение одной недели и посредством хождений от двери к двери“ (стр. 930).

Эта пропаганда дает, конечно, свои плоды. Читатель, ранее приобретавший газету от случая к случаю, становится постоянным подписчиком. Вместо одной газеты семья выписывает две и даже три. Понятно, что в таких случаях газеты уже не читаются, а только просматриваются. Они выписываются не с целью получения материала для чтения, но ради страхования. Газета теряет свое естественное назначение. Появляются „unpaid newspapers“ — газеты, которых не читают.

Страхование, — это особенность английской прессы, и в других странах оно мало известно. Кроме него, в Англии выдвигаются для подписчика и другие приманки в виде разного рода состязаний на получение призов. Призы эти составляют крупные суммы до 20 тыс. фунт. стерл. Подписчик принимает участие в состязаниях или пари, отрезывая соответственный купон от газеты.

Эти пари, особенно в связи с футбольными состязаниями, чрезвычайно разжигают азартные инстинкты массы, и поэтому вызвали даже специальное запрещение со стороны верховного суда.

Можно себе представить, какие расходы для издательств вызывают все эти рекламные затеи: страхование, агентура по вербовке подписчиков, призы по состязанию и т. д. Цифровое подтверждение дает примерный „счет прибылей и убытков“, приложенный к приведенному выше иллюстрированному бюджету воображаемой показательной газеты „Пенни Дейл“.

Приход (в фунт. стерл.)	Расход (в фунт. стерл.)
Валовая прибыль . 1.150.000	Страхование . 500.000
	Вербовка подписчиков (Salary-sing) . . . 150.000
	Реклама . . . 50.000
	Подучен. чистая прибыль . . . 450.000
Итого . . 1.150.000	1.150.000

Анализ этого счета приводит цитируемый нами журнал к тому выводу, что 56% валовой прибыли посвящается на поиски подписчика. При этом не приняты еще во внимание и другие аналогичные расходы: почтовые, реклама посредством небесных знаков (skysign publicity).

На бюджет газеты легло тяжелое бремя, от которого она охотно избавилась бы. Но развязаться с ним она не в состоянии под давлением требований публикатора. Последний настаивает на все большем и большем тираже и в зависимости от его размеров определяет норму оплаты своих

публикаций. Публикатор „из клиента превратился в надзирателя над невольниками с кнутом в руке“.

Таким образом, создался безысходный круг экономических противоречий: крупный газетный оборот потребовал крупного капитала; крупный капитал, с своей стороны, предъявил требование на обеспеченную прибыль, для этого, в свою очередь, оказались необходимыми крупные и новые источники дохода, которые были найдены в виде поступлений от публикаций. Утилизация этого источника принудила к дальнейшему расширению газетного оборота, который и без того уже велик и может быть только искусственно раздут мероприятиями по рекламе и привлечению подписчика. Однако, скоро будет достигнут определенный предел.

Массовая газета катится к кризису, но остановится она не в состоянии под угрозой потери доходов от публикаций. Отказ от этих доходов также привел бы к кризису. Кризис так или иначе неизбежен.

III

Пресса — крупный фактор общественной жизни. Поэтому радикальная трансформация газетного дела должна была повлечь за собой и серьезные социально-политические последствия. С образованием газетных трестов капитал получил в свои руки могучее орудие воздействия на общественную мысль и общественное мнение. Основная демократическая добродетель Англии, так наз. свобода и независимость, печати была поставлена под угрозу. Положение создалось настолько острое, что буржуазный журнал „Экономист“ (нами цитируемый), огню не склонный к критике существующего общественного строя Англии, вынужден был поставить резко вопрос о том, существует ли в этой стране независимая печатная мысль.

На этот вопрос он ответил убийственной характеристикой современных газетных нравов:

— За немногими исключениями британская пресса не включает в себе более органов общественного мнения, (organs of opinion) (стр. 886).

„В гримасах конкуренции некоторых наших наиболее шумных и крикливых газет и еженедельников, равно как в искренних признаниях мистера Гаррисона в том, что он покупает газеты для того, чтобы найти рынок для бумаги, а также и в манере, с которой Берри и лорд Роттермид сегодня покупали либеральную, а завтра консервативную газету, — кроется цинизм, противоречащий лучшим традициям британской журналистики; цинизм, дающий основание к убеждению, что демократия опровергнута враждебной „капиталистической прессой“...“ (стр. 787).

С продолжением процессов концентрации, — указывает „Экономист“, — создается даже непосредственная опасность для независимой печатной мысли: „Если бы

все объединения были поглощены одним из них, оказалось бы неизбежным вмешательство государства и введение такой отвратительной вещи, как государственная цензура" (стр. 988).

Исчезновение независимых органов (не-трестированных) было бы „национальной трагедией“.

Чрезвычайно показательно то обстоятельство, что буржуазный орган „The Economist“ вынужден констатировать, с одной стороны, беспринципность и моральную деградацию буржуазной прессы, а с другой — тенденцию ее к монополистическому перерождению со всеми вытекающими отсюда последствиями для буржуазной „демократии“. К сожалению, журнал испугался своей собственной резкой критики и поторопился выступить с оговорками, должественствующими смягчить впечатление от нее. Оказывается, что опасность установления монополии над печатью не так уже велика, поскольку отдельные издательские группировки находятся в непрерывной конкуренции между собой.

Монополизации прессы препятствует также существование некоторых солидных и „независимых“ газет, сумевших отстоять свою самостоятельность от газетных „трестов“ и продолжающих оставаться светочами общественной и политической мысли. Оказывается, далее, что яд морального разложения проник только в дешевую распространенную печать „Penny Press“ или „Daily Penny“, по нашему, в желтую бульварную прессу. Но и эта пресса проявляет тенденции, противодействующие вредному ее влиянию на общественное сознание и на политику. Коммерческие интересы, стремление к расширению тиража и круга читателей отталкивают ее от политики. Она становится „политически бесцветной“ по следующему двум основаниям: „Одно из них это то, что партийная марка это ограничение для расширяющегося тиража, стремящегося охватить если не все партии, то, по крайней мере, ту огромную часть нации, которая не закреплена или легко связана своей партийной принадлежностью (political allegiance). Второе основание это то, что политические дела не могут всецело поглотить интересы всей публики и во всякое время, а потому дешевые газеты (Daily Penny) для того, чтобы стать незаменимым чтением для миллионов, должны угодить каждому интересу читателей и в отношении домашнего хозяйства, и спорта, и бел-

летристики. „Ничто человеческое не чуждо“ — становится всеохватывающим правилом журналиста“ (стр. 988).

Политические принципы и идеи тонут в беспорядочной погонь за сенсацией. „В политическом отношении газеты типа „Daily Penny“ могут только механически копировать общественное мнение; лишь в малой степени они содействуют его образованию“ (там же).

Все эти оговорки и поправки, внесенные журналом, не достигают своей цели и отнюдь не рассеивают впечатления, произведенного на читателя основной характеристикой.

Где гарантии того, что конкуренция между отдельными „трестами“ не прекратится и что все они не сольются в один трест, который, между прочим, поглотит и стоящие особняком „независимые“ газеты и установит форменную диктатуру над печатью? Никаких препятствий, ни экономических, ни юридических, в Англии для сего не дано.

Далее — так ли уже невинна и безвредна в политическом отношении бульварная печать, как это рисует „Экономист“? Отвечая на этот вопрос, надо сказать: для того чтобы оказывать влияние на общественное мнение этого рода, прессе вовсе не нужен определенный политический флаг. Можно и без того отравлять политическое сознание масс непрерывной пропагандой, искусно замаскированной и приукрашенной беспартийным тоном, соответственной формой и сенсацией. Можно вести (и она действительно ведется) эту пропаганду не только в отдельных, посвященном политике, но и в других отделах — литературы, спорта и т. д.

Тому соответствуют и факты: известно, что средний обыватель Европы и Америки питается только той духовной пищей, которую он получает от желтой прессы и у нее же заимствует свою общественную и политическую идеологию. Буржуазная печать держит в духовном плену многомиллионные мелкобуржуазные массы и даже значительную часть рабочего класса.

Газетные „тресты“ еще более усилили идейное влияние крупного капитала на народные массы по сравнению с предшествующим периодом, когда этих „трестов“ еще не было.

В этом отношении они выступают как новый социальный и политический фактор, пагубное действие которого должно быть учтено.

И. М. Гринштейн

Новые книги

А. С. Гордон. „Система плановых органов в СССР“. Предисловие Г. М. Кржижановского. Изд. Комм. Академии. М., 1929, стр. 65, ц. 70 коп.

Работа Гордона в основе своей посвящена истории организационного строительства плановых органов СССР. Вместе с тем, автор собрал и теоретически

проанализировал большой материал, характеризующий эволюцию плановой мысли, задачи и функции планирующих организаций.

К. Розенталь. „В защиту индустриализации СССР“. Изд. „Моск. Рабочий“. М., 1928, стр. 135, ц. 35 коп.

Обосновывая задачи промышленности СССР в условиях товарного голода, автор настоящей брошюры доказывает, что корни последнего лежат отнюдь не в индустриализации, а в принципиально отличной от капитализма системе производства и распределения; на ряду с тем как индустриализация порождает известные трудности, она несет в себе и разрешение их.

Ф. Петри. „Социальное содержание теории ценности Маркса“. Перев. с нем. „Моск. Рабочий“. М., 1928, стр. 116, ц. 1 р.

Книга Петри (неокантианца, по взглядам близкого к Риккерт и Штаммлеру) посвящена анализу теории ценности Маркса с точки зрения качественной и количественной проблемы ценности. Предпосылкой к анализу автора является доказательство двойственности теории ценности Маркса, Петри считает, что последний искусственно сочетал в ней социальную сторону философии Канта с натуралистическим методом Рикардо.

С. Губерман. „К теории капиталистического рынка и кризиса“. Изд. Комм. Академии. М., 1929, стр. 231, ц. 2 р. 50 к.

Настоящая книга состоит из семи основных разделов, включающих характеристику методологических моментов проблемы рынка и кризиса, малых и больших циклов конъюнктуры, затем проблему причинности кризисов, кредитно-денежные вопросы конъюнктуры, характеристики современной структуры капитализма и особенностей конъюнктуры при монополистическом капитализме.

И. И. Литвинов. „Экономические последствия столыпинского аграрного законодательства“. ГИЗ, 1929, стр. 139, ц. 1 р. 50 к.

Работа И. И. Литвинова представляет собой опыт исследования влияния столыпинского аграрного законодательства на расширение емкости русского рынка и на рост промышленности России. Вместе с тем, автор останавливается на проблеме влияния последствий аграрной реформы на взаимоотношения классов в России.

М. Нахмсон (Спектатор). „Мировое хозяйство до и после войны“. т. III, ч. 1. Послевоенный кризис. Изд. Комм. Академии. М., 1929, стр. 303 + 17 прилож. ц. 3 р. 65 к.

Основная цель, которую автор поставил себе, выпуская настоящую работу, выяснение специфических особенностей послевоенного кризиса, точнее его коренной причины с одновременным выявлением небывалой остроты и продолжительности кризиса, вытекающие из общих условий послевоенного капиталистического развития.

И. М. Кулишер. „Основные вопросы международной торговой политики“. Изд. „Прибой“, 1929, стр. 612, ц. 5 р. 50 к.

Настоящая книга И. М. Кулишера, являющаяся 3-м дополненным изданием, посвящена анализу основных проблем внешней торговой политики (таможенной политики и торговых договоров) как в теоретическом, так и в практическом разрезе.

Е. Хмельницкая. „Военная экономика Германии 1914—1918 гг.“. Опыт теоретического анализа военного хозяйства. ГИЗ, 1929, стр. 239, ц. 2 р. 40 к.

Работа Е. Хмельницкой на ряду с описанием того, как перестраивались германская промышленность и сельское хозяйство во время войны, анализирует наблюдавшийся в Германии в этот период процесс перерастания завершенной к началу войны формы монополистического капитализма в новую стадию его — госкапитализм.

Я. Иоффе. „Блокада и народное хозяйство в мировую войну“. ГИЗ, 1929, стр. 224, ц. 2 р.

Задача настоящей работы, носящей преимущественно описательный характер, выявление основных вопросов экономической обороноспособности стран, участвовавших в мировой войне, и огромной роли, которую сыграла хозяйственная война, в особенности блокада (экономическая) того периода.

Проф. Я. М. Букшпан. „Военно-хозяйственная политика“. ГИЗ, 1929, стр. 541, ц. 5 р. 25 к.

Автор освещает формы и работу органов регулирования народного хозяйства во время мировой войны 1914—1918 гг.

Л. Балабан. „Хлеб в мировом хозяйстве“. Изд. „Моск. Рабочий“. М., 1929, стр. 172.

Освещая роль хлеба в мировом хозяйстве на ряду с выявлением удельного веса хлеба в мировом производстве и в товарообороте вообще и динамики цен на него, автор отдельно останавливается на проблеме производства хлеба в СССР в связи с процессами реконструкции сельского хозяйства и роли Советского Союза на мировом хлебном рынке.

И. Файнгар. „Современная Германия“, ГИЗ, 1929, стр. 123 + 1 карта, ц. 65 к.

Очерк И. Файнгара рисует развертывание германского капитализма за последние несколько лет, происходящее за счет усиленной эксплуатации рабочего класса, рационализации, объединения предприятий, форсированного импорта капиталов и т. д.

Г. Шигалин. „Подготовка промышленности к войне“. ГИЗ, 1929, стр. 228, ц. 1 р. 30 к.

Основываясь на больших материалах мировой войны, автор дает набросок плана и путей подготовки промышленности к войне и ее работы в условиях коренных изменений, которые произойдут в области производства во время войны.